

Пожар. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Пожар. Максим Горький

Наша улица – Мало-Суетинская – круто спускалась с горы к реке по двум сторонам оврага-съезда, вымощенного, точно на смех, неровно, крупным булыжником. По откосам овраг густо зарос лопухами, полынью, конским щавелём; в гуще пыльного бурьяна, среди сношенных опорков, черепков посуды и битого стекла, грустно прятались синие цветы повилики, розовые кисточки клевера, золотые звёзды лютиков и мохнатый одуванчик.

Съезд был непригоден для езды – даже пустые телеги сами собою катились вниз, подпирая лошадей, а спуститься с возом и подавно никто не рещался.

Круглый год эта щель в земле была безлюдна, и хотя внизу гудел город, но казалось, что съезд ведёт за реку, в синевато-серую пустоту лугов. Только летом, в праздничные дни да жаркими ночами, доможители Мало-Суетинской вылезали из своих жилищ, располагаясь в бурьяне откосов для бесед, пьянства и любви, возбуждаемой не столько игрою здоровой крови, сколько желанием избыть скуку нищей жизни.

Улицей назывались две узкие полоски земли между линиями домов и откосами съезда. Старенькие дома, распухшие от обилия жителей, смотрели друг на друга через съезд водянистыми очами окошек недоверчиво или жались друг ко другу, не то осторожно спускаясь вниз, к простору широкой реки, не то с трудом восходя наверх, к тихому городу богатых купцов и строгих чиновников.

Тесно, точно кадки огурцами, дома были набиты мастеровщиной, всё скорняки, жестяники, столяры и портные для лавок готового платья на балчуге (от татарского – "болото", "грязь". Ещё со времён Ивана Грозного на в таком месте обычно строили кабаки; вокруг них развивалась мелкая торговля, рынок Ред.). Эти люди с утра до ночи создавали непрерывный шум – особенно выделялся стук деревянных молотков по листам жести и дробные удары тонких палок по шкуркам меха. Плакали дети, ругались женщины, безумно орали пьяные – жизнь Мало-Суетинской улицы, задыхаясь в тесноте и грязи, пела всем знакомую бесстыдную песню.

Все доможители не любили свою улицу: земля под окнами домов была заплёскана помоями, засорена разной дрянью, из подворотен выбегала мелкая стружка, текли грязные ручьи; в траве у заборов блестели обрезки жести, куски стекла, летом они вонзались в ноги детей.

Только раз в году, на троицу, домохозяева – не все, конечно, – сметали сор улицы измызганными метлами под откосы съезда.

И на стенах домов грязиросло не меньше, чем на земле. По субботам бабы старательно мыли полы, но от этого только кислый запах гнили растекался в воздухе да с утра до вечера на улице стояли лужи удивительно грязной воды.

Осенними ночами, когда в большинстве окон огонь погашен, а в некоторых ещё горит, улица, под дождём и ветром, становилась особенно унылой; дома, разбухнув, оплывали, везде хлюпала и ворчала вода; жёлтые пятна света ложились из окон на ручьи, ручьи сердито трепали эти пятна, стараясь погасить даже призрак огня. И вообще, всегда огонь в этой улице был тоже как будто нелюбим – мало его, затерян он в тесных клетках домов.

В улице жило человек двести, но наиболее заметными людьми считались трое: лавочник Братягин, бездельный юноша Коля Яшин и печник Чмырёв.

Братягин – вдовец, лет сорока пяти, крепкий мужчина с большими серыми глазами; серо глядя на людей, они, казалось, всё понимали, проникая прямо в душу, но были странно неподвижны – лицо Братягина сплошь заросло желтоватой шерстью, и глаза как будто заплутались в ней.

– Зна-аю я вас! – встряхивая головой, говорил он людям, и люди не сомневались в том, что он их знает.

Он читал "Мямлинский листок", и когда ключья старых номеров вместе с покупками

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
попадали жителям, они тоже читали газету. К лавочнику ходили советоваться о домашних делах, жаловаться друг на друга, он охотно писал прошения мировому и уверенно говорил о России, о боге, о непорядках жизни.

- Живёте вы, как свиньи! - веско внушал он суетинцам; голос у него был громкий, и они, покорно вздыхая, соглашались с ним.

Он жил чисто, смиренно, одиноко, стоял среди суеты нашей улицы крепко, точно по колена в землю врыт. Знали, что, когда женщина помоложе и почище просила у него в долг, он, внимательно и молча выслушав её просьбы и жалобы, приказывал ей, кивая за прилавок, на дверь в свою комнату:

- Пройди туда, что ли...

Через некоторое время он выводил её оттуда и, брезгливо поплёвывая, отпускал ей товара не больше, чем на гривенник. Это - знали, но никто не осуждал вдового человека, а его оценка женской ласки не считалась нищенской в нашей улице.

Печник Чмырёв и Коля Яшин служили улице для забавы и осмеяния.

Над Колей издевались потому, что он был юноша скромный, болезненный, одевался франтовато, и хотя пел в церковном хоре, но не пьянствовал, как все певчие, и вообще в нём не замечали никаких пороков. Это возбуждало ревнивые подозрения улицы и даже несколько обижало людей, - все живут во грехе пред богом, все друг про друга знают что-нибудь худое, а он - беспорочен!

- Пройдёт с ним, - объясняли наиболее добродушные люди, - он - матери боится, а - помрёт мать, покажет Коля фокусы!

Он читал книжки и даже - говорили - сочинял стихи барышням Карахановым; их было семь, все они ходили в одинаковых платьях, и - должно быть, за это улица звала их - "семь дур Карахановых".

Когда Коля в праздники, перед вечерней, тихонько шагал мимо окон - все знали, что он идёт к "семи дурам"; их барский ветхий дом стоял первым при входе из города в нашу улицу, спрятан в саду, среди лип, покрытых лишаями. Стройный, маленький, похожий на подростка, несмотря на свои двадцать лет, Коля шёл, сконфуженно наклонив голову, пряча бледное лицо и покашливая в ответ на шутки. В руке у него тросточка с набалдашником в виде лошадиной ноги - наследство после отца, другая рука в кармане брюк, а из грудного кармашка тужурки торчит кончик платка - золотисто-жёлтый или алый, под цвет галстуху.

Из окон кричат ему:

- Эй, Яшин-мамашин! Чахоточный, эй!

И почти всегда - мальчишки и взрослые - простейшими словами спрашивали об одном и том же:

- Которую сегодня целовать будешь?

Коля идёт, как глухонемой, только иногда кашляет погромче да поводит плечами, точно его кнутом бьют.

Но его всё-таки не очень обижали, а вот о Чмырёве даже сами суетинцы говаривали:

- Терпелив печник, круглый чёрт! Другой бы на его месте в драку с нами полез, а то - кирпич в окно...

Чмырёв был человек коротконогий, толстый, его широкое лицо исчертили красные и сизые жилки, где-то среди них беспокойно и внимательно бегали маленькие чёрные глаза.

- Сафьяновая рожа! - говорили ему суетинцы, он останавливался и, загибая палец на левой руке, считал серьёзно:

- Раз.

- Утюг!

- Два.

Люди солили слова свои всё круче, но печник оставался непоколебим и всё считал:

- Шашнадцать. Ну?

- Пошёл...

Чмырёв смеялся сиплым смехом и говорил:

- Ну, как же вы? Даже разозлить человека не умеете! Чего же вы умеете?

И уходил, куда ему надо, поглаживая корявой рукою толстые волосы бороды, - борода у него точно из белёных ниток, прямая, серая и тяжёлая. Смешной особенностью печника было наянливое стремление внушать людям любовь к чистоте, благообразию, порядку. Это заметили за ним давно: однажды весенние потоки, выворотив булыжник съезда, вымыли на нём глубокие ямы, печник тотчас же стал учить доможителей:

- Вы ба забили ямы-те мусором, а то сами же, пьяные, ноги ломать будите...

Он говорил об этом несколько раз, на смех людям, и, наконец, утром воскресного дня сам начал поправлять мостовую: наносил мешком мусора, песку, уложил булыжники и утрамбовал. Смешно и досадно было смотреть, как он возился с этим делом, на пользу городской управы, и много глумились над ним. Тогда и было замечено, что он - чужак.

- Дела надо делать прочно, надолго, - любил он говорить. - Мы на земле не одни живём...

Его спрашивали:

- А кто ещё, кроме нас?

- Чай - не все сразу помрём...

- Экой чужак! - удивлялись жители.

Особенно прославился он после своей распри с Братягиным из-за Лидуши Сувойкиной. Это была девушка-подросток, миловидная и очень набалованная матерью. Она считалась не в своём уме, после того как её мать, торговка старьем на балчуге, умерла в тюрьме, куда её посадили за сбыт краденого.

Однажды Лидуша, остановив Чмырёва на улице, опросила его:

- Как мне быть, Василий Лукич? - она знала, что с печником тоже иногда, шутки ради, советовались. - Лавочник говорит, что я сирота, бесприданница, да и полудурьё, так замуж меня никто не возьмёт, а шла бы я за него...

Чмырёв спросил:

- Тебе который годок-та?

- Пятнадцать скоро...

Через несколько дней в лавку Братягина явилась важная барыня с полицейским и очень напугала почтенного лавочника угрозами отдать его под суд.

Эта история сильно подняла Чмырёва в глазах улицы, но через несколько месяцев стало известно, что Лидуша поступила на содержание к мировому судье, - печник был снова жестоко осмеян, а Братягин уверенно говорил:

- Зна-аю я эдаких-то!

И даже обещал доказать, что Чмырёв сам сосватал девицу мировому, взяв с него за это пять с половиной.

В сватовство улица не поверила, но печник навсегда упал в её мнению.

А кроме всего этого, раз в год – обыкновенно весной – Чмырёва настигал дикий запой и мучил его недели две, как чёрная немочь, валяя круглое тело по земле, в грязи, по камням мостовой.

– Свинья! – говорил Братягин, стоя на страже у двери лавки своей и спрятав руки под передник, всегда – чистый.

Суетинские мальчишки ездили на пьяном печнике верхом, а он, ползая на четвереньках, дико орал:

– Бож-жа мой... Б-бо-жа!

Весною, когда земля оттаёт, люди тоже как будто становятся мягче.

По вечерам и в праздники суетинцы поднимались к забору Карахановых и на пустырь против него, садились на кучи мусора, торчавшие по пустырю серыми могилами, и смотрели вниз, на реку.

Сбросив серо-синий лёд, река разлилась далеко по лугам и покрыла их мутным стеклом до чуть видной на краю земли белой церкви села Толоконцева. Кое-где стекло как бы разбито, и сквозь него проросли кусты, вершины деревьев, высунулись крыши каких-то хижин. В одном месте над гладью половодья стоят три кудрявых дерева – одно к одному, как три брата, утонув вплоть по нижние сучья.

Над рекою, в зеленоватом вечернем небе, между последних облаков зимы сверкает юное солнце, золотые лучи ласково греют воду, местами она – как расплавленное олово.

Белым дымком стремительно бегут по небу клочья облаков, серые тени лёгкой кисеёй глядят реку против течения, ветер – на север, а река – на восток. В широких далях водной пустыни снуют рыбацкие лодки, как мухи на стекле, буксирный пароход тяжело тащит из затона пустые тупоносые баржи, лебедем спускается по реке белый пассажирский, взбивая пену красными лапами. Сверху реки, звено за звеном, плывут плоты, тёмные куски эти – точно острова на воде; думается, что земля тает, как лёд, отрывается сама от себя и спешит уплыть скорее к тёплому морю, ближе к ласковому солнцу.

И как будто все на земле передвигается – дома, деревья медленно подставляют озябшие бока вешнему солнцу, так же осторожно и скрыто-радостно, как делают это наши суетинцы.

В саду Карахановых набухают почки, рыжеватые ветви становятся жёлто-зелёными, вороны шумно поправляют гнёзда, растрёпанные зимними вьюгами. По откосам съезда, среди острой щетины робких трав, светятся золотые цветы бедняков – одуванчики, любимые детьми. И даже между серых камней мостовой выползают на солнце какие-то бледные стебли. На пустыре, на серых холмах, среди кусков ржавой жести, высунулись ростки полыни, и в густом запахе гнили уже слышен её острый горький запах. Скромный подорожник стелется под ногами, раскрашивая грязные тропы своей яркой зеленью, и всюду победно вздымается к солнцу новое, юное, ласковое.

Обновилась земля и стала точно девушка, на крепком теле её явились тонкие шёлковые волосы, радостно и стыдливо волнуя ещё не проснувшееся сердце матери. Всюду оживлённо прыгают воробьи – самая бесстрашная птица, яростно играют дети, выпущенные из долгого плена зимы, безумно рад солнцу тонконогий народ, и с каждым днём всё больше краснеет кровь его, посиневшая за зиму в ядовитой духоте тесных грязных комнат.

Кричит наша улица. Вылезли тяжёлые женщины, зимняя любовь "от нечего делать" наградила их новыми беременностями, стоят они у ворот и, открыв вялые синие губы, жадно дышат новым воздухом, рассказывая друг другу о своих болезнях, о болезнях детей, о том, как дороги дрова и хлеб, как изнурительна работа, грубы мужья, хвастаются хорошими сновидениями... Но много есть таких, что и снов не видят никогда.

Мужчины пьют водку на пустыре, играют в карты – в три листика, ругают свою

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
работу, хозяев, а те, кто посolidнее, собрались у лавки Братягина.

Где Братягин, там и Чмырёв; враги, они всегда друг против друга, и если Чмырёв беседует у забора Карахановых, Братягин сам пойдёт туда дразнить его. А где Чмырёв, там неизменно Коля Яшин прячется за чью-нибудь спину и слушает акающую речь печника.

- Теперь - возьмём строение, - говорит Чмырёв, ковыряя воздух тяжёлой рукой с тупыми пальцами. - Что это будет - строение? А понимай - всё. Божий ли храм, дом ли - жилища наши...

Кто-то из доможителей насмешливо вставляет:

- Храм - одно, а дом - другое...

Чмырёв сипло кричит:

- Постой, погоди - как другое? Во храме - дети божий и в доме они жа!

- Какие мы дети божий...

- Погоди - это зависимо от того, как на себя взглянуть...

Тут Братягин вставляет веское слово человека, знающего людей:

- Во храме - ни псы, ни свиньи не живут!

- Во-он что? - кричит печник. - Ты думаешь - коли обругал сам себя, то и прав пред богом, пред людьми?

- Да я - не себя...

Но Чмырёв идёт на грудь ему, как мордвин на медведя:

- Стой! Ежели все псы да свиньи, тогда - и ты!

Лавочник, видя, что встал на спор неловко для себя, отходит прочь, говоря:

- Эх, обормот!

- То-то жа! - победоносно кричит Чмырёв и снова начинает. - Ну, вот, значит - строение. Что такое?

- Вези дальше!

- Ну, трактир, скажем, ну? - торопит публика.

- Отчего жа именно - трактир? - смущённо спрашивает печник.

Публика хохочет.

- Эх ты, судак-малосол! - кричит кто-то. Коля Яшин пробует поддержать печника и, покашливая, напоминает:

- Ведь Лукич - всегда об одном, вы знаете его мысли...

- То-то вот и есть, что всегда юрнду сеет, - кричит со стороны Братягин.

Он рассуждает проще, понятнее Чмырёва, особенно крепко звучит его глуховатый голос у дверей лавки.

- Живёте вы, как свиньи бестолковые, в грязи, в безобразиях, чешетесь обо что попало. И ежели подохнете все сразу - никакого убытку Россия не потерпит.

С ним соглашаются:

- Верно, не потерпит...

- Кто вы такие для бога?
- Н-да... Не жалко нас господу...
- А за что вас жалеть?
- Конечно... Куда уж...
- То-то вот! Знаю я вас!

Он такой плотный, Братягин, люди чувствуют, что его презрение к ним необоримо; все они не любят лавочника, но уважают и боятся его ума.

- Вот, - внушает он, потряхивая газетой, - завели, на велик грех, Думу, собрали туда разных этих... десять целковых в сутки на рыло, а их - около пяти сот! Стало быть - в месяц вынь да положь на них полтора ста тысяч, а ежели в год - так это уж восходит до двух миллионов. Да - квартира, да то, да се... Вот они куда идут, ваши деньги, а вы...

Думу он очень не любит и говорит про неё охотнее всего, всего злее.

- Раньше, бывало, эдаких-то в Сибирь да в каторгу засылали, а ныне получи десять целковых в день и ори всё, не сходя с места! Раньше умней было да и подешевле. А теперь - хотим жить, как за границей, в стеснении и со стыдом. Русский должен по-русски жить, своим умом, а не чужим примером. Заграница-то вся до нас за хлебом идёт.

Коля Яшин и Чмырёв иногда пытаются возражать лавочнику:

- Дума, - тихо говорит Коля, - это сделано для общего согласия интересов...

Но лавочник суёт ему в нос газету.

- На-ко вот, найди мне - где оно, согласие-то!

А Чмырёв сипло кричит:

- Ежели люди домыслят - что есть строение... ежели и кирпич правильно положен - крепко лежит...

- Ты "листок" читать умеешь? - строго спрашивает Братягин.

Чмырёв неграмотен и молчит, дёргая себя за бороду.

Суетинцы смеются.

Иногда наверху, в начале улицы, точно семь гусынь, являются семь дур Карахановых; впереди - старшая, Серафима, коротенькая и толстая, как Чмырёв, лицо у неё обрюзгло, губы смешно надуты; за нею - двоешки: Нонна и Римма, сухонькие, юркие, с накрашенными щеками; потом - косоглазая Софья, чёрная, как цыганка, и, точно из дощечек, сложена из плоских костей. За нею, пританцовывая и жеманясь, идут младшие - Вера, Надежда и Любовь, - особенно уродлива толстогубая, курносая Любовь, с калмыцкими глазками. Известно, что они живут в постоянных ссорах и одеваются одинаково из ревнивой зависти друг к другу.

Разного роста, они останавливаются у входа в улицу, как солдатики нестроевой роты, смотрят на половодье разными глазами и о чём-то шепчутся, поворачивая друг ко другу несчастливые лица.

Может быть, суетинцы за то и не любят их, что все они так некрасивы и напоминают о несчастьях, о тяжёлой, запутанной жизни.

На Мало-Суетинской знают их историю. Генерал Измаил Караханов женился на вдове Лютяшкиной с дочерью, но оказалось, что вдова ещё до свадьбы была беременна и через шесть месяцев, родив двойню - умерла. Тогда генерал запил от обиды и женился во второй раз на девушке, дочери тюремного смотрителя Певцова, а Серафима, дочь первой жены, встала в доме за экономку и воспитательницу своих сестёр. Вторая жена генерала, родив в пять лет четырёх девочек, тоже начала пить

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

и, спившись, умерла в один год с мужем. Так и остались на свете семь дур, одиноки и осмеяны.

Мальчишки, видя смешную линию этих девиц, начинали весело петь песню, сложенную нашей мастеровщиной:

Семь веников идут,

Сами улицу метут,

Они шаркают, пылят,

Уважать себя велят!

Они гузками трясут...

- Allons, m-elles! (пойдёмте, барышни! (франц.) - Ред.) - говорит Серафима сёстрам, и все они уходят к себе в сад, медленно и важно, как гусыни. За ними виновато шагает Коля Яшин, глядя в землю, а вслед Коле свист и крепкие слова улицы.

- Сорьё! - кратко говорит лавочник, глядя на девиц.

Жители торчат у лавки Братягина вплоть до позднего вечера, слушая твёрдые слова умного человека. Изредка они осторожно спрашивают его о чём-нибудь, но больше молчат, поглядывая вниз на реку.

Там быстро, по-весеннему, творятся разные чудеса, навевая на душу задумчивость и лень. Солнце давно окунулось в красное море половодья, вода в лучах - точно багровый бархат, на нём чёрным узором - ветви затопленного кустарника. Веет сыростью, дымом пароходов, шум города внизу и вверху становится мягче, приглушённый влажным воздухом.

Из далёких лесов за лугами осторожно поднимается ночь, скользит по воде и стирает яркие краски вечерней зари. Вспыхивают звёзды, их острые отражения, вонзаясь в реку, кажутся потерянными лучами ушедшего солнца. Потом, выкатываясь из-за чёрных домов города, в синее небо выплывает молодая луна, река блестит медью, - если подплыть в лодке к этой медной полосе и ударить по краю её веслом, в ночи разольётся гулкий, длительный звон.

Ночная тьма приятно ласкает усталые за день глаза, тишина баюкает душу, как родная мать.

Из тёмной дали, оттуда, где потонуло солнце, с верха реки, тихонько спускаются красные огни; едва заметные сначала, они подплывают всё ближе, становятся ярче, больше, и вот видно, что это горят костры на плотках, радостно мечется густо-красное пламя - в чёрных космах дыма смеётся чьё-то здоровое, доброе, мохнатое лицо.

Слышен тревожный бой деревянного била по чугунной доске, слышен радостный звериный рёв и вой плотогонов, - они обязаны давать сигналы по ночам и пользуются этим - режут во всю власть души.

Суетинцы смотрят на эти огни, слушают буйный крик плотогонов и негромко говорят друг другу:

- Эко орут...

- Дик'ой народ...

- Лесовики... конешно...

Но плоты исчезают вместе с огнями, неутомимое течение тёмной реки быстро смывает всё. Снова на ней тихо, пусто, и в тишине этой сладостно тонет душа.

Иногда ночь бывает так мило чудесна, что уж не хочется, чтобы миновала она, и не надо солнца, а сидел бы на горе, любясь рекою, до часа, когда незаметно уснёшь на веки веков.

Весенними ночами Яшин и Чмырёв нередко оставались на улице до рассвета.

– Мне – тихий воздух нужен, – объясняет Коля свою бессонницу. А печник любил беседы в ночной тишине и во тьме, – тьма и тишина делают улицу, землю и всю жизнь более благообразной.

Там, где забор Карахановых загибался тупым углом к неровной линии домов, у забора лежал толстый обрубок липы, сажени полторы длиною, он лежал на трёх сучьях, ушедших в землю по основанию, и был похож на безголовую лошадь о трёх ногах.

На нём и сидели друзья – наиболее бессонные и беспокойные люди Мало-Суетинской.

– Что, Коляга, как дела? – спрашивал Чмырёв, поглядывая на реку, а река – точно бездонная пропасть, налитая густым воздухом.

– Да так, ничего, – отвечает Коля, зажигая папиросу. Он тоже смотрит вдаль голубоватыми глазами, его скромное, невеселое лицо задумчиво, как всегда.

– Ну, а с девицами – как?

– Всё так же...

– Играешь?

– Со старшими. В винт.

Чмырёв добродушно смеётся.

– Винт! Это – картёж, я понимаю... Я спросил в простом смысле – как, мол, – трогаешь?

Коля молчит, глядя на красный угасающий огонёк папиросы, потом с досадой, жалобно рассказывает:

– Они сами всё заигрывают со мной, особенно – Софья, она и коленками под столом и ногами... А мне она не нравится. Мне – Надежда нравится, она самая кроткая и всему верит. Только – капризная она чрезвычайно: обожаю, говорит, финики. А принесёшь ей – фыркает: я, говорит, терпеть не могу фиников, а только винные ягоды... Удивительная... Остальные – бог с ними!

– Вот, Надежду и приспособь, – доброжелательно советует печник. – Всё едино – замуж им некоторой не выскочить, перестарки они и немилые...

Ему нравится учить юношу обращению с девицами, он говорит охотно, с большими подробностями, как человек, который знает и любит дело.

Семь звёзд Большой Медведицы высоко в небе сверкают так ярко, точно рады видеть весеннюю землю и широкий водный поток среди неё.

Медлительно покуривая, Коля говорит:

– Какой я жених? У меня – чахотка...

– Разве я про то? – удивлённо восклицает Чмырёв. – Али ты не слушал? Я тебя в женихи не прочу, а так советую – поиграй, веселей будет! Им – всё едино...

Внизу, в городе, ещё не заснули – торопливо катятся пролётки по камням, хлопают двери. Слышится глухое сердитое рычание, тяжёлая возня, посвистывают пароходы на реке, кто-то шлёпает по воде широкими ладонями.

– Жалко мне их, Василий Лукич! – говорит Коля с тихой досадой. – Кабы можно, то есть если бы я был здоровый человек и распутный, то я бы со всеми ими связался – честное слово!

Печник добродушно смеётся.

- Со всеми? Ах ты...

- Ей же богу! С одной, с другой... Вот - пожалуйста! - семь любовниц в одном доме.

- Ну, смешной ты!

- Это ведь верно, я вижу - замуж им очень хочется! Природа требует послушания, на неё не цыкнешь, природа-то - не собака, сами знаете! А мужчин около них - двое, я да штабс-капитан Заточиллов, а ему - пятьдесят, и робкий он...

- Добряга ты, Коля! - задумчиво говорит Чмырёв. - Доброму человеку трудно жить!

Коля просто соглашается:

- Да, трудно! Если бы не мамаша, я бы уехал куда-нибудь. В Астрахань, например...

- Отчего - в Астрахань?

- Всё-таки... там - персиане!

- Н-да, персиане - другой народ...

- Мамаша очень стесняет меня. Конечно, у неё ноги отнялись и может она только салфеточки вязать, но меня - она связала удивительно. Из-за неё и реального не кончил я, из-за болезни мамашинной. И товарищей нет. Товарищ требует расхода, а я даже в библиотеку записаться не могу...

Чмырёв слушает, запустив пальцы в бороду; ночью борода его кажется грязной, как паутина. Внизу, по гладкой темноте ползёт большой чёрный таракан с огненными лапами, - ползет против течения масляной воды, оставляя за собою серую тень, и дышит искрами. В луга - далеко - выехали рыбаки, лучить рыбу, плавают в пустоте огни.

Звучит тихий голос:

- Ежели бы я был здоровый человек, то полюбил бы какую-нибудь очень тихую девушку, и лежала бы она у меня на коленях, а я бы ей рассказывал всё, о чём душа моя думает... Я бы с нею, знаете, стихами говорил обо всём, ей-богу, честное слово!

- Это - ничего, стихи девице всегда по душе, - одобряет Чмырёв вполголоса.

- Странно это мне, Василий Лукич, рождаются люди, живут в беспокойстве и вопреки судьбе, а - к чему? Какой же смысл? Я думаю - каждая жизнь должна иметь свой смысл...

- Д-да! - говорит печник уверенно, как Братягин, но мягче, ласковее. Верно, смысл не понять, расчёту - не видно! Вся эта улица наша - ни к чему, сгореть бы ей дотла!.. Лавочник - собака в душе своей, а говорит правильно: живут люди наподобие скотов! То есть - до чего я не люблю улицу эту, сказать не могу!.. Грязища, пьянство, распутство, ни тебе дети - при уходе, ни старики - в чести! А - бабы? Дотронуться нельзя! Всякая гулящая аккуратней живёт, чище держит себя... положим - у наших баб работа, а те... ну всё-таки жа! Надо же себя маленько уважать... а то - в деревнях лучше живут! Там, брат, всё-таки...

Подумав, он добавляет:

- Там немножко жалости есть друг ко другу...

- Здесь - не жалеют, - соглашается Коля, снова зажигая папиросу, и круглыми глазами смотрит в чёрно-синюю глубину. - Надо мной - смеются, над вами - тоже...

- Смеются - не беда! Кабы умели! А ведь не умеют смеяться-та! Али смешно штаны с пьяного снять, рожу ему смолой намазать или, скажем, обругать человека? В чём тут веселье? Они, брат, не от веселья смеются, а от дикой своей скуки - вот что! Эх, не уважаю эту улицу, гори она дотла!

- И я не люблю, - снова соглашается Коля.

Оба долго молчат. Потом юноша тихо мечтает:

- Как только мамаша скончается...

Но печник безутешно прерывает его:

- С твоей душой, брат, тебе везде одинаково будет, душа у тебя девичья...

Огонь папиросы, вспыхивая всё чаще, дрожит. Откуда-то из города, сверху, доносится пение, тихий плеск медных струн рояля - неясные, малознакомые звуки другой жизни.

- Я говорю ей, - вдруг начинает Коля, - что же вы, Надежда Измаиловна, на рояле не играете? А она - для кого же, говорит, мне играть? Для вас? Так вы в музыке ничего не понимаете.

- Ишь какая, - замечает Чмырёв, усмехаясь.

- Да. Они все такие. Очень злые и обо всем говорят прямо, даже стыдно слушать иной раз. Образование получили, а грубостей не презирают... А ведь верно - для кого играть?

- Нет, - говорит Чмырёв, - это не так! Всегда кто-нибудь найдётся, ты поищи! Нет, браток, надо размышлять иначе. Человек должен жить сердечно, даже в церкви говорится: возводи сердце в гору! А мы его - в грязь, а то прячем! Ты сердца не скрывай, эдак-та никакого соединения не будет.

Чмырёв говорит долго, с великим напряжением, но понять его трудно. Коля и не заботится об этом - не впервые слушает он запутанную речь, и ему тоже, как Братягину, иногда кажется, что печник говорит "юрунду". Но понимая, что за тёмными словами живёт какое-то доброе чувство к людям, к нему, Коля изредка сочувственно, как можно ласковее вздыхает.

- Да. Конечно...

- Ежели что строится, так оно - не зря. Это - надо понять, а без понятия - всё будет вроде твоих бесплодных девиц, все люди - бесплодные и больше ничего. Понял?

- Да, да...

- Следственно - надо доверять людям. Я не про наших, наши люди пустяки, пустой народ, без ядра. А кто строит, тот дорого стоит...

В бесформенной русской душе медленно кружатся, путаются косноязычные мысли, это мысли - старые, христианские, заношенные миром, загрязнённые, но для печника они - новы, он считает их рождёнными его сердцем, они убивают его сон, беспокоя своей тяжёлой вознёй.

Иногда Чмырёв вздыхает, глубоко и тоскливо:

- Эх, кабы грамотен был я да кабы научен, доказал бы я все начала, ей-бо-о!..

Коротка ночь, - ещё недавно погасла заря вечера, и недавно лунный свет лежал на реке, размахнувшись по лугам, а вот уже на востоке светлеет, и семь звёзд Медведицы потеряли свою яркость. Луна где-то сзади, над городом, река под тенью его черна и бархатна, а вдаль - посветлела, и видно, как на рябой воде скользят лодки.

Тянет утренней свежестью, запах её победно заглушает едкие запахи улицы, и только теперь понятно, как они тяжелы.

В монастыре звонят к заутрене, Коля смотрит в небо и говорит, смущённо улыбаясь:

- Вот когда звон в лунную ночь, так мне кажется, что это по луне бьют...

- Жизнь наша недовольная, - ворчит печник, - улица эта - пропади она...
Братягин, побей его бог... Грабитель! Ну - грабь, чёрт с тобой, да - не дави ты мне душу! А он - на душу наступает... Называются люди, туда же... Удивительное дело, до чего противно всё это душе, право...

Точно напевая забытую песню, Коля вполголоса, с напряжением лепечет, покачивая головой в аккуратной фуражке:

...Что час - то жизнь моя короче,

И с каждым днём трудней она,

Уже прошёл я путь мой краткий

И ничего в конце не жду!

Так неразгаданной загадкой

В сырую землю я сойду.

Я жил, как тень, средь серых теней,

Во всем покорствуя судьбе,

Умру - ни слёз, ни сожалений...

- Грустно говоришь, - перебивает печник. Коля сконфуженно и кротко извиняется:

- Да ведь это так только, для забавы...

Зябко передёрнув плечами, он приподнимает воротник тужурки и, глядя вдаль, молчит, губы его шевелятся, точно юноша считает угасающие звёзды, а Чмырёв бормочет:

- Ты - чёрной мысли не предавайся! Все помрём, тут хвастать нечем. Помереть и комар - мастер, а ты вот ухитрись поживи хорошо. Я те докладую строение...

Зацвела заря, высоко в зеленоватом небе озолотились края перистых облаков, светлые пятна ложатся одно за другим на половодье. Чёткие удары монастырского колокола так странно ясны, что, кажется, можно видеть в воздухе колебания их - сначала медная пыль звука летит облаком, густо и быстро, потом дымок её становится прозрачнее и пропадает, истончаясь до невидимого, до неслышного...

Пожар на Мало-Суетинской улице возник за полночь, после успенья, приходского праздника. Загорелось у столяров, в подвале двухэтажного дома скорняка Сычёва; огонь выметнулся из окон на улицу вдруг, точно всхлынул из недр земных, и сразу поднял ветхий дом с земли широкими красными ладонями.

Дом, переживший множество зимних выюг, ошипанный морозами, оплаканный дождями, старчески закричал, греясь в пламени; затрещала, отскакивая, его обшивка, тес, не однажды покрашенный масляной краской; дом точно раздевался в огне, сбрасывая грязно-рыжие доски, в огненных языках и синих струйках дыма.

Лопались стёкла, издавая резкий звук, из тёмно-багровых окон высовывался подушками тяжёлый серый дым, а за ним - огонь, загибавший вверх красные цепкие лапы с острыми когтями.

Кто-то вышибал рамы верхнего этажа, в одном окне появился гробообразный чёрный сундук и упал сквозь огонь на улицу, в костёр тёса, наличников и ставен, горевший у стены дома. За сундуком в окно высунулась волосатая фигура в белой рубахе и тонким голосом крикнула:

- Гори-им!..

По двору забегали тёмные люди, и вместе со звоном стёкол, треском дерева слились истерические, тоже стеклянные, вопли женщин, визги детей.

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Большинство мужчин улицы было пьяно, но этот первый внятный крик как будто отрезвил пьяных, разбудил сонных, к дому Сычёва стали сбегаться, завертелись перед огнём багрово освещённые человечки. Маленький мужичок схватил горящую доску, сбросил её под откос в бурьян, уже высушенный солнцем, и тотчас по бурьяну полетели жёлтые мотыльки, серые стебли полыни унизались жемчугом, алые цветы вспыхнули на метёлках щавеля.

Быстро сбегалась публика из города, чёрной тучей мух она облепила узкую полосу земли по ту сторону съезда и кричала оттуда.

И на той и на другой стороне было весело; шутили праздные люди из города, шутили и наши суетинцы, пьяненькие и беззаботные, видя, как на дворе Сычёва хозяева и постояльцы суются в огонь и отскакивают прочь, закрывая глаза руками.

На женщине затлела юбка, она приподняла её и стала мять руками, показывая голые, дрожащие ноги, это – показалось смешным.

Смеялись и над маленьким рыжим Сычёвым, – пьяный, в одних подштанниках и рубашке, он прыгал перед домом, плевал в огонь и, рыдая, лаял:

– Гори-и, пропадай, дуй... кто наживал? Я наживал! Гори, чёрт дери...

Дом стоял, точно котёл в костре, сыпались золотые угли, взрывало крышу; в густоте багрового дыма, в красной пыли искр, высоко взлетали головни, падая на мостовую съезда, в бурьян. Как будто все маленькие огни, погашенные людьми этой улицы, тихонько, подземно собрались, соединились в одно непобедимое пламя и вот запели жаркую песню свободы и мести, разрушая грязные, душные клетки людей.

Сычёв быком лез в огонь, точно бодая его, волосы на голове опалило ему, они спеклись, покрылись серо-жёлтой коркой; он подскакивал, наступая на угли босыми ногами, и орал, грозя кулаком:

– Гори-и!

Кто-то большой взял его под мышки и унёс, как чёрт грешника.

Выбежала простоволосая старуха и, махая на огонь иконой в белой ризе, басом запела:

– Ма-атушка, пособница-а, угомони-ка ты силу дьявольску-у...

Её седые короткие волосы тянулись к огню, шевелились и краснели, точно загораясь, а серебро иконы отражало острые лучи.

Вдруг вспыхнуло ещё дома через три, на задворках, люди шарахнулись туда и завывали отчаянно, поняв, что пожар будет немалый. Сквозь горящий бурьян, под откос посыпались ребяташки, но это уже не возбудило смеха и шуток публики.

А через несколько минут загорелось и за спиною зрителей, на другой стороне съезда, – на дворе Братягина, раздался хозяйский, отчаянный рёв лавочника:

– Родимые – сарай... керосин, масла...

Чёрная толстая линия людей разорвалась против лавки, хлынула вверх и вниз улицы – стало видно окна Братягина, дверь лавки. Стёкла, отражая пламя, точно приманивали его, а со двора густо и уверенно поднимался к мутным звёздам серый жирный дым.

Прошло с полчаса, пока появилась первая пожарная команда, но насосы и бочки воды не могли подъехать близко к домам, воду подавали с мостовой вверх по откосу, охотников качать было недостаточно.

С обеих сторон улицы жители сбрасывали под откосы мебель, узлы, какие-то ящики, всё это катилось под ноги пожарных лошадей, пугая их. Брандмейстер, закинув голову, приставил ко рту медный рупор и кричал направо и налево:

– Не смей бросать ничего, дьяволы!

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Съезд был забит тёмной массой людей, головы у всех красные, лица колебались, под ногами катались кадки, стулья, подушки, в куче всё прибывавших вещей яростно топтались медноголовые пожарные, трещала мебель, хрустела посуда, тревожно звонили колокольчики, лошади, всхрапывая, трясли гривами и, оскаливая зубы, косились на людей глазами, отражавшими огонь.

Три костра поднимались к небу с весёлым треском и воем, дома таяли и плавилась в красных взрывах пламени, по крышам бегали золотые гребни, золотые птицы летали в тучах дыма, и, отчаянно каркая, над садом семи дур Карахановых шарахались большие, обеспокоенные вороны, сбивая крыльями с деревьев иссохший лист.

Красная метель гуляла по улице, огонь празднично разыгрался и творил непонятное, чудесное. Вот взвевало в синеватом воздухе широкое полотнище кумача, наклонилось к дереву, и дерево сразу зацвело алыми цветами, а через минуту оно уже – чёрное, и тонкие сучья его курятся сизыми струйками дыма, точно восковые свечи, только что погашенные чьим-то дуновением. Дымится голубым дымом ярко освещённая крыша, и вдруг откуда-то с неба невидимо спускаются на неё весёлой стаей трепетных птиц лоскутья пламени, бегут по тёсу до конька крыши и украшают его острыми зубьями. Пламя вздымается снизу, занавешивая стены домов, изгибаясь змей, заглядывает с крыши в окна, точно вызывая кого-то из дому, чёрный дым густо течёт сквозь переплёты рам, они вспыхнули и сверкают в окнах жемчужными крестами.

Стена дощатого сарая вся разубрана золотым позументом, из щелей выползают гибкие змейки огня, свиваются в пурпуровые клубки и катятся по стене вверх и вниз, падают на чёрную землю и лижут её.

Горячий воздух жёг лица людей, пытавшихся что-то вытащить из огня, они бегали перед ним по узкой полосе земли, осыпанной углями, под дождём искр, корчились, приседали к земле, вскрикивая, и катились под откос, куда вместе с ними спускался тошный запах горелой кожи, шерсти и тряпок.

Стеклянная дверь лавки Братягина висела на одной петле, из её чёрной внутренности медленно истекали сизые струи дыма, лавочник метался с улицы в лавку и обратно, вытаскивая ящики, жестянки, мешки, и сваливал всё это в кучу, на край откоса, под искры и угли.

– Таскай, – кричал он десятку людей, помогавших ему, – родимые, соседушки – таскай!

И ненужно взмахивал правой рукою, растрёпанный, , страшный и жалкий.

Было светло, как днём, нестерпимо жарко, душил дым, выщипывая глаза людям, бушевал, всё усиливаясь, шум и гул; в одном месте куча людей, закинув на горевшую стену длинный багор, дёрнула его за верёвку и кричала:

– Ой – раз! Ой – раз!

Коля Яшин, сидя на столбе забора Карахановых, смотрел на всё прищурив глаза, быстро смахивал слёзы, выжатые дымом, кашлял и непрерывно говорил, в радостном удивлении:

– Смотрите, пожалуйста, смотрите!

Дом, где он жил, уже сгорел, его мать лежала в кухне девиц Карахановых. Сад девиц завален имуществом погорельцев, забит женщинами, детьми, везде на жухлой траве одежда, перины, подушки, на них – возятся плачущие дети. Шесть дур носились по саду, возбуждённые, растрёпанные, утешая женщин и детей, дружески переключаясь сестра с сестрой, и у всех, у каждой, явилась серьёзная, материнская забота о людях, умение помочь им в беде.

Только одна Надежда сидела на заборе рядом с колей и всё спрашивала его о чём-то, тихонько и пугливо. Но он не слушал её слов, указывал рукою на улицу, стараясь раскрыть глаза как можно шире.

– Несчастье ведь, а со стороны глядеть – точно праздник, и все играют, удивительно, право... Смотрите – у лавки сидит человек на корточках и ест изюм – вон как! А мальчишки – точно ласточки... Как Братягин суётся в огонь... Наша мастеровщина ничего не делает – видите, сколько собралось? Работают люди всё из

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
города, а наши – как чужие сами себе... Ах, господи...

Раздался странный звук – мягко лопнуло что-то, над лавкой Братягина широко взметнулось пламя и покрыло всю её багрово-жёлтой шапкой; от лавки отскочило несколько тёмных фигур, потом ещё одна вырвалась из двери, из-под огня, и стремглав сбежала под откос, а вслед за тем несколько голосов крикнуло вперевод:

– Люди в лавке – воды, эй!

Коля тоже крикнул:

– Я говорил...

Он спрыгнул с забора и поспешно бросился к лавке. Из-под откоса, под ноги ему, вылез на четвереньках Чмырёв, оборванный, мокрый с ног до головы, страшно блестя глазами, он крикнул в лицо Коле:

– Бегём!

Яшин схватил его за надорванный рукав рубахи, оторвал рукав совсем и вытер на бегу влажной тряпицей вдруг и обильно вспотевшее лицо.

– Ползи! – снова крикнул печник, ложась на живот перед огненной рамой двери. – Кричи – воды!

И, скрываясь в двери, как огромная жаба, завыл сипло:

– Воды-ы!..

Коля тоже сунулся в мягкий поток дыма; в спину и затылок ему больно ударила струя воды, столкнула с ног, он опрокинулся на четвереньки и полез в жаркий дым, кашляя, вскрикивая:

– Где? Василии Лукич...

– Тащи! – хрипел невидимый печник.

Шипела вода, дым затыкал рот, точно мокрая тряпка, прижимал к полу, наваливаясь на тело горячей периной, бил по голове частыми мягкими ударами, обессиливая с каждой секундой.

Сквозь веки Коля видел багровое, и ему казалось, что он тонет в густой, горячей крови, захлёбывается ею и вот сейчас нырнёт в жаркую глубину её навсегда.

– Эх, – взвизгнул он от страха, извиваясь на полу, слепой, обессиленный, и тотчас наткнулся на большой, тяжёлый сапог. Приподнял его, нащупал чью-то другую ногу, впрягся в них, привстал и пошёл встречу воды, крепко закрыв глаза, стараясь согнуться как можно ниже.

Точно собака лизнула горячим языком – обожгло ухо, щёку, огонь красно заглянул в глаза сквозь веки, но тотчас же в горло хлынул воздух, тёплый, неиспытанно вкусный, он сразу выпрямил скорченное тело, заставил открыть глаза.

– Как из могилы вылез, – сказал Коля кому-то, кто крепко обнял его и повёл за собою.

Юношу мучительно бил кашель, кружилась голова, подламывались ноги, сердце трепетало, точно обожжённое.

Потом он увидел себя снова под забором Карахановых, на липе, рядом с ним сидел чёрный печник, без бороды, без бровей, полуголый, весь мокрый и в грязи, только одни глаза чистые.

– Я, брат, с самого начала действую, – говорил он, отплёвываясь кровью. – Пьяных вытаскивал, хозяйство, ребяташек. Сил даже нету! Ты ожёгся ли?

– Ухо, кажется...

- Ухо - ничего! А меня - гляди, как опалило! Прямо - вроде свиньи... Ну, айда помогать!

Пошли под красным небом, взявшись за руки, Чмырёв шагал и отплёвывался.

- Зубы мне вышибли, чёрт! Нет, каков народ, драть его горой? Стоят, как у праздника, а боле - никаких! Я кричу: "Братцы, что вы - воду жа качать нада, помогать нада!.." - "Мы, говорит, погорельцы!" Будто - погорели, так уж именинники. И чему погореть? Охи да блохи, и - всё имущество. Не народ, а пустяки, пустое место... А бабы-та? Ну, смешной жа народ, бабы эти...

В небе колебалось зарево, дым как будто подпирал его, поднимая всё выше, внизу сверкала багровая полоса реки. Коля, точно сквозь сон, смотрел, как огонь на земле доедает груды брёвен, досок, стропил, грызёт раскалёнными зубами ворота, заборы, бегает по откосам и жнёт бурьян золотыми серпами. Колокольчики пожарной команды беспокойно звонили, будто внутри головы, горячая земля под ногами качалась и плыла. Сетью висели перед сухими глазами искры, и везде по земле живой, весёлой кровью растекался огонь.

- Вот и сгорела улица, - грустно сказал Коля.

- Не вся, - деловито отозвался печник, - домов пяток отстояли всё жа!

Добрались до насоса, он вскочил на подножку, говоря Коле:

- Становись рядом - легче будет...

Вцепился в ручку насоса кривыми пальцами и, кланяясь, заорал, запел:

- Ка-ачай, ребя, качай!

Коля тоже стал кланяться, мерно сгибая спину, взмахивая руками так, что было больно плечам. Возносясь и падая, перед его глазами заколыхались огромные знамёна пламени. Земля тоже поднималась, опускалась, и от этого странно ныло в груди, где-то у горла. Чёрной волною набегала на город заречная даль - набежит бесшумно и бесшумно схлынет, раскачивая землю взад и вперёд.

- Не могу я, - сказал Коля.

- О? - воскликнул печник с сожалением и, перестав качать, сам себе объяснил: - Значит - устал парень! Ну, тогда идём за другим делом, делов тут - конца нет...

Снова пошли куда-то мимо рыжих лошадей с огненными глазами, мимо зелёных бочек и сердитых медноголовых солдат. Непрерывно, досадно звонили проклятые колокольчики, будя смутную тревогу в сердце Коли.

Вышли наверх, в устье улицы, затисканное толпою публики, чёрнобородый полицейский ткнул Чмырёва в живот ножнами шашки и закричал:

- Чего шляешься, морда? Прочь!

- Ну, ну, - пробормотал печник, встряхивая животом. - Де'ятель! На пожаре и без тебя горячо...

И сказал, взглянув на Колю:

- Лицо у тебя, брат, даже - синее...

- А ведь мы с тобой человека спасли, - вспомнил Коля.

- Двоих даже, ты - одного, я - одного... Ну, лавошник, это, положим, не человек, название одно... Он ещё экзамена не сдавал на человека-та... А кто - другой?

- Не знаю, - сказал Коля.

- Н-да... ругали мы с тобой, ругали эту улицу, и всё... а как случился пожар... замечательно!..

Пожар. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Печник усмехнулся, потряс головой и, усадив Колю на любимое место, на липу под забором, быстро ушёл, говоря:

- Погляжу ещё, нет ли чего...

Коля сел на бревно, опираясь спиной о забор, устало поглядывая вдоль улицы и вниз, на реку. В груди что-то мешало дышать, точно туда налили тяжёлой воды.

Светало, уже звёзды исчезли, как бы сгорев в земном огне, огонь побледнел, стал желтее, но доедал остатки жилищ всё с той же весёлой яростью, как и ночью, когда он был ослепительно красен.

Было странно видеть, как старое дерево, насыщенное грязью, превращается огнём в янтарь и огромные куски янтаря плаваются, тают, текут по земле золотыми ручьями. Это было странно - и грустно и радостно.

Тёмной, тесно уставленной шершавыми домами улицы - не было, и с этим не хотелось мириться. Горели ряды костров, из них во все стороны торчали чёрные головни, курясь дымом и паром, шипя под белой струёю воды. Огромные груды угля сверкали на грязной мокрой земле, среди них торчали закопчённые развалившиеся печи. Как помешанные, около костров с воем бегали люди, взмахивая руками, это напомнило Коле картинку в каком-то журнале "Жертвоприношение", на ней тоже вокруг костра прыгали тёмные люди, высоко вздымая руки, открыв круглые рыбы рты...

Внизу - синяя река, придавленная со стороны лугов к городу песчаным островом, покрытым кустами ивняка. За рекою в серую даль уходили обритые луга, зарево пожара покрыло их рыжей ржавчиной. Кое-где в лугах грустно маячили одинокие деревья, - скоро эти пустынные дали станут ещё грустней... С деревьев сада Карахановых на плечи и колени Коли падали иссушённые жаром листья, они кружились, точно маленькие, бессильные птицы.

Явился Чмырёв, сел рядом и стал дышать тяжело, как лошадь.

- Устали?

- Есть маленько...

Коле показалось, что он беззвучно икнул, в груди что-то тихонько порвалось, и сразу же исчезла тяжесть. Потом он ощутил во рту солёный вкус крови, плюнул, плюнул ещё, но кровь всё заполняла рот. Он наклонился, открыл рот и, холодея, стал смотреть, как на землю льётся красная тонкая струя.

- Вон как! - неодобрительно сказал Чмырёв, тоже поплёвывая. - Видно, что устал ты... мм...

- Уж это, пожалуй... - заговорил Коля, но печник убедительно и ласково перебил его речь:

- Это - ничего! Пройдёт. Всё, брат, пройдёт!

И весело усмехнулся, продолжая:

- Я тоже вот кровью плююсь, - мне за ночь два раза по морде дали. Один раз - давеча, пожарный, а теперь вот - барин! На ногу ли я ему наступил, толкнул ли, что ли, как он меня бабахнет! И оба раза по одной скуле, дери их горой!

- Дурак, - сказал Коля так отчётливо, как будто хотел убедиться, что у него ещё есть голос.

- Правой рукой бьют, вот и выходит всё в одно место, - объяснил Чмырёв, помолчав, и предложил:

- Ты - приляг, положи голову на колени мне...

- Нет, - резко сказал юноша, - не хочу я лежать!

- Как хочешь... А - лучше бы...

Пожар. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Чмырёв сунул в рот себе пальцы, ощупывая зубы.

Серыми столбами вздымался дым и пар, в небе тяжело двигались первые осенние тучи, угрожая проливным дождём. Чёрные мокрые угли плотно вымостили землю, всюду трепетал и злился побеждённый огонь.

- Ах, господи! - воскликнул печник, вынув пальцы изо рта и вытерев губы подолом изорванной рубахи. - Не свои мы люди на земле!.. И - вообще, не то всё... Не так нада...

- Да, - согласился Коля.

Кровь всё ещё шла изо рта у него, он сидел согнувшись, подпирая голову ладонями, пристально глядя, как по утопанной земле растекается алое пятно и меркнет тихонько.

В щель съезда опустился липкий, едкий чад - оттого и вода реки казалась такой небывало синей...

1915 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!